
ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ПРОБЛЕМОЙ ИНФАНТИЦИДА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПОЛИТИКА

Д.В. Михель

В статье обсуждаются причины роста общественной озабоченности проблемой детоубийства в XIX и XX веках, анализируются изменения в истории российского уголовного законодательства, касающиеся наказания матерей-детоубийц, рассматривается вклад врачей, юристов, социологов и биологов в интерпретацию этой проблемы в прошлом и настоящем. Автор показывает то, как в условиях становления общества современного типа практики родительского контроля над рождаемостью постепенно были заменены новыми формами регуляции, осуществляемыми специалистами, действующими от имени государственной власти.

Ключевые слова: инфантицид, регуляция рождаемости, внебрачные дети, российское законодательство, медиализация женского тела

29 октября 2005 года в рамках специализирующейся на скандалах телепередачи «Программа максимум», выходящей на канале НТВ, появился сюжет Алексея Кудашева «Мамочки!» [Кудашев, 2005]. Предметом его рассмотрения стала проблема инфантицида в двух российских городах — Москве и Брянске. Восклицательный знак, замыкающий название этого телерепортажа, явным образом указывал на двоякость возможного прочтения темы: с одной стороны, крик отчаяния, детская мольба о помощи, с другой — призыв к «мамочкам»: «остановитесь», «опомнитесь», «что вы делаете!»

Репортаж Кудашева включал в себя и кадры милицейской хроники с убитыми грудными младенцами, завернутыми в целлофановые пакеты и найденными на свалке, и интервью с матерями-детоубийцами, чьи имена и лица открыто были предъявлены телевизионной общественности, и сообщения автора о других формах материнской жестокости по

отношению к детям, в том числе их продажи в публичные дома или «на органы» для проведения подпольных трансплантологических операций. В репортаже были представлены и некоторые попытки прояснить масштаб и причины случаев убийства новорожденных детей. Со слов одного из сотрудников милиции, фигурирующего в кадре, каждый год в марте ему приходится извлекать из вод Москвы-реки по нескольку детских трупов, что, по его мнению, указывает на тот факт, что все эти умершвленные младенцы были нежелательными последствиями летних «курортных романов».

Однако в целом, репортаж был короткий и малоинформативный. Журналисту удалось обнаружить еще одну «социально злободневную тему», но ее профессиональное обсуждение так и оставило желать лучшего. Автор сделал акцент на материнской жестокости по отношению к детям, но отказался от попыток выявить все ее причины. Образы расудительных, хладнокровных и корыстолюбивых женщин-детоубийц, как они были представлены в передаче, стали чем-то вроде прощального визуального резюме очередного журналистского расследования об ужасах нашего времени. При этом главный оттенок скандальности обсуждаемой темы, по-видимому, проявился в том факте, что в «Мамочках!» речь шла о событиях, которые происходят не где-то на краю земли, а в самом центре цивилизованной европейской России.

Нельзя не признать, что этот телерепортаж вышел в свет весьма своевременно. Дискурс журналистики, в полной мере воплотившийся в нем, соединился во множестве мест с дискурсом официальной российской социальной политики, которая в период второго путинского правления поставила во главу угла вопросы рождаемости и заботы о здоровье нации. При этом обращение к скандальной, по меркам современной жизни, проблеме инфантицида эффектным образом дополнило тот разговор о росте смертности, абортх, бесплодии и кризисе семьи, в который с разных сторон включились представители разных политических партий, чиновники, специалисты, церковные иерархи и другие субъекты публичной политики.

Но не следует видеть в этой теме и связанной с ним современной общественно-политической дискуссии что-то слишком новое. Споры об инфантициде идут уже давно, и не только в России. Они проливают все больше и больше света на место этого неприглядного явления в человеческой жизни, на его причины, на отношение к нему некоторых представителей общества, а также на цели тех, кто участвует в этих спорах.

В этой статье будет предпринята попытка показать отношение общества к инфантициду в России, а также обозначить некоторые проявления социальной политики, нацеленной на искоренение инфантицида как явления, не совместимого с нормами современной жизни.

К истории инфантицида

Существовало не менее четырех причин, по которым представители разных человеческих обществ были готовы расстаться со своим потомством. Для малочисленных племен охотников и собирателей ребенок, появившийся на свет очень скоро вслед за предыдущим, означал для его родителей реальную угрозу неспособности прокормить обоих, и тогда призрак грядущего голода побуждал их расстаться с более слабым. Для некоторых обществ древнего мира, таких как Спарта [Плутарх, 1994. С. 59], а также в XX веке в фашистской Германии, где в самой бесчеловечной форме пытались осуществить евгенические проекты, причиной для инфантицида становилось нежелательное уродство новорожденного. Для целого ряда земледельческих цивилизаций Востока, в том числе Индии, Китая и мусульманских стран, поводом для уничтожения новорожденного мог быть пол ребенка, в особенности это касалось девочек, чья ценность неизменно оказывалась ниже, тогда как жизнь мальчика, как и труд взрослого мужчины, расценивались более высоко, побуждая родителей лучше кормить и ухаживать именно за мальчиками. Наконец, в некоторых обществах причиной для уничтожения детей оказывались представления об их статусе — были ли они рождены в рамках законного брака или нет [Hausfater, 1984. P. 501; Giladi, 1990].

Ранняя история инфантицида в человеческих сообществах почти неизвестна, поэтому судить о ней приходится лишь на основе более поздних сообщений путешественников и этнографов, наблюдавших эту жестокую практику у народов, дольше других живших в условиях первобытного состояния [Стеллер, 1999. С. 63]. Напротив, к нашему времени следы этой безжалостной практики контроля над рождаемостью почти исчезли, оставив по себе память в форме многочисленных произведений мировой литературы, повествующих о принесении детей в жертву жестоким богам, или народных сказок о жестокости родителей, которые по той или иной причине избавлялись от своих детей [Дарнтон, 2002. С. 38–39].

Некоторые возможности для реконструкции истории инфантицида представляет успешно развивающаяся уже полстолетия историография детства, у истоков которой стоял Филипп Арьес, проследивший рост чадолюбия на Западе в течение последних трех-четырех столетий [Арьес, 1999]. Значение труда Арьеса состоит в том, что он, в сущности, открыл тот факт, что до самого последнего времени взрослые люди более невнимательно относились к своим детям и более спокойно воспринимали их смерть, чем это имеет место в современном обществе. Объективной причиной этого был высокий уровень детской смертности, вызванный общим материальным неблагополучием и плохим качеством медицинской помощи. Такого рода вывод стал общим местом в социально-исторических исследованиях нашего времени, позволив показать, что

и в других обществах имело место аналогичное отношение к детям [Picone, 1998; Pollock, 1983; Ransel, 1988].

Еще одним важным условием для понимания места инфантицида в истории человечества будет помещение этой практики в рамки более широкой стратегии регуляции рождаемости, образованной такими элементами, как фетотид (аборт), инфантицид и педицид, или «отсроченный инфантицид» [Hausfater, 1984. P. 501]. Их совокупность является исторически неустойчивой, выражаясь в том обстоятельстве, что в разные времена и в различных обществах на первый план выходили то одни, то другие практики. Очевидно, что в наше время среди всех перечисленных практик регуляции рождаемости свою социальную актуальность демонстрирует лишь фетотид, о чем говорят споры между противниками и сторонниками абортов, еще не смолкнувшие в наши дни.

История инфантицида в России все еще по-настоящему не исследована, и даже попытки ответить на вопрос, кто традиционно был жертвами практик умерщвления новорожденных, вызывают трудности для специалистов. Несомненно, однако, что убийства новорожденных в России имели место, но в настоящий момент мы не располагаем достаточно надежными свидетельствами для того, чтобы говорить о случаях инфантицида здесь вплоть до XIX века.

Борис Миронов, разбиравший вопрос об инфантициде в российском обществе императорского периода, склонен считать, что главными жертвами инфантицида у русских были внебрачные дети и дети-калеки, хотя детям с различными проявлениями врожденной инвалидности, как правило, все же оставляли жизнь [Миронов, 2000. Т. 1. С. 201–206]. Отвергая мысль, что жертвами инфантицида в России были преимущественно девочки, он приводит различные статистические данные в пользу того, что рожденные вне брака дети вне зависимости от их пола всегда имели меньше шансов выжить, чем младенцы, родившиеся в браке.

Принимая этот тезис, полезно указать на культурный контекст российской ситуации с инфантицидом. Если жертвами инфантицида в России становились, главным образом, внебрачные дети, то причиной этого были моральные установления, препятствующие одиноким молодым женщинам иметь какие-либо сексуальные отношения до вступления в брак и, тем более, рожать вне брака детей. Резко отрицательное отношение общества к внебрачным детям, как и к внебрачной сексуальной жизни женщин, привело к тому, что от таких детей всячески стремились избавиться. Вместе с тем сам факт появления их на свет указывал на то, что указанные моральные нормы соблюдались далеко не всеми мужчинами и женщинами.

Всецелое возлагание обществом ответственности за появление внебрачных детей на женщин привело к тому, что убийцами внебрачных детей в России стали именно женщины. В России в период правления Романовых инфантицид приобрел черты преимущественно женского

злодеяния. По словам Михаила Гернета, который первым попытался проанализировать социальные причины инфантицида в старой России, детоубийство здесь было следствием «общего приниженного положения женщины, низводящего ее на степень самки», «бедности» и «взгляда общества на внебрачные рождения» [Гернет, 1910. С. 313].

В этой связи уже не кажется странным замечание сотрудника милиции из телесюжета Кудашева, который без тени сомнения называет выловленные из Москва-реки детские трупы жертвами «курортных романов». В условиях современной российской действительности «курортные романы» — то же самое, что и внебрачные связи русских крестьянок и горожанок прошлого. Неудивительно поэтому, что представитель общественности — милиционер из передачи «Мамочки!», рассматривает проблему в том же ключе, как это делали современники той или иной женщины-детоубийцы в прошлом.

Столь же характерным на этом фоне выглядит содержание новейшего Уголовного кодекса Российской Федерации (принят в 1996 году), в котором имеется специальная статья (№ 106, «Убийство матерью новорожденного ребенка»). В комментариях к этой статье, написанных для специалистов, имеется характерное замечание о том, что могло бы подтолкнуть женщину к совершению инфантицида: «стыд перед окружающими за рождение ребенка вне брака», «боязнь родителей и родственников», «отказ отца ребенка признать его своим, его же отказ зарегистрировать брачные отношения, отказ от оказания помощи и поддержки, травля женщины родственниками и т. п.» [Комментарий... 2006. Ст. 106]. Тем самым уже на уровне права инфантицид выступает преступлением, которое российское общество связывает с женщиной и ее сексуальностью.

Детоубийство и закон в России

На протяжении длительного времени практика детоубийства ускользала от государственного внимания, поскольку и сами дети не представлялись для государства ценностью. Их рождение и смерть были предметом родительской компетенции, а убийство детей приобретало определение преступления лишь тогда, когда оно совершалось посторонними людьми.

На Западе убийство детей их родителями не считалось преступлением вплоть до того времени, пока не появилось христианство. Однако церковный контроль над внутрисемейной жизнью и отношениями родителей к их детям был откровенно слаб, что позволяет предположить тот факт, что родители могли более свободно распоряжаться судьбами своих отпрысков, чем в последние два-три столетия.

В России первые попытки государственного противодействия практикам детоубийства относятся к 1649 году, когда было принято

«Соборное Уложение» царя Алексея Михайловича, установившее суровые наказания для женщин, лишаящих жизни своих незаконнорожденных детей, и менее суровые наказания в случае убийства собственных законных детей [Боровитинов, 1905. С. 13–14]. Такая двойственность закона в отношении детоубийц, по мысли Лоры Энгельштейн, свидетельствовала о том, что российская власть в середине XVII века больше беспокоилась не о судьбах детей, а о противодействии внебрачным половым связям [Энгельштейн, 1996. С. 115].

В XVIII веке ситуация изменилась, и государство постепенно начало присваивать себе функции отеческой власти, переходя к политике отеческого попечения о «засорных младенцах». Начала складываться та модель политического управления, которую Мишель Фуко удачно назвал «био-властью» [Фуко, 1996; Михель, 2003]. В 1716 году Петр I принял Воинский устав, ставший важной вехой в истории законодательного противодействия детоубийствам в России. В соответствии с новым законом вводились одинаково жестокие наказания за убийства как внебрачных, так и законных детей.

Следующий важный шаг был сделан при Екатерине II, когда в стране начали строиться приюты для подкидышей, что было первым практическим шагом со стороны государства в деле приумножения численности населения. Тем самым попытки законодательного регулирования народных практик контроля над рождаемостью стали сочетаться с государственным попечением о незаконнорожденных детях. Однако на протяжении всего XVIII века государство не имело реальных возможностей взять под свой контроль всю ту сферу жизни, которая связана с сексуальностью и деторождениями. Она вся еще оставалась в сфере действия народных методов регуляции, так же, как и тела простых женщин, на которых совершенно не распространялась помощь со стороны официальной медицины, только еще делающей первые шаги в области акушерства [Сорокина, 2004. С. 454]. В результате попытки сбережения жизней все новых поколений детей, в том числе рожденных вне брака, опирались не столько на социальную и медицинскую помощь, сколько на силу закона.

В XIX веке законодательная борьба с детоубийствами в России была продолжена. В 1845 году было принято «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» [Свод... 1866; Боровитинов, 1905. С. 14–15], которое, однако, смягчало меру ответственности для матерей-детоубийц, если инфантицид имел место сразу после рождения ребенка и причиной его были «чувства стыда и позора», овладевшие молодой незамужней матерью.

В 1885 году было принято очередное «Уложение о наказаниях», в котором вопрос о детоубийстве был рассмотрен более подробно и дифференцировано [Уложение... 1913]. Статья 1451-я «Уложения» предусматривала за убийство новорожденного ребенка его матерью наказание в качестве 10–12 лет каторги или 4–6 лет тюремного заключения. Одна-

ко если удалось доказать, что женщина оставила новорожденного без помощи «от стыда или страха» и в результате он умер, то, согласно статье 1460-й, ей грозило тюремное заключение сроком от 1,5 до 2,5 лет.

В 1903 году был разработан последний в истории царской России уголовный кодекс [Уголовное уложение, 1903], который также затрагивал проблему детоубийства. На этот раз инфантицид уже не рассматривался как убийство ребенка незамужней женщины, но речь шла об убийстве ребенка, рожденного вне брака. Тем самым произошло некоторое переопределение жертвы инфантицида, однако в роли субъекта преступления продолжала фигурировать женщина. Наказание для нее в этом кодексе было более мягким, чем в «Уложении 1885 года». Ссылка на каторгу заменялась заключением в тюрьму или в смиренный дом на срок от 1,5 до 6 лет.

Советская история законодательного противоборства с инфантицидом характеризуется своеобразным возвратом к ситуации, существовавшей до середины XIX века. В уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов статья об инфантициде отсутствовала, а наказание за убийство ребенка его матерью выносилось на основании более общей статьи за убийство, хотя в этом случае оно квалифицировалось юристами как более мягкий тип преступления — «простое», а не «умышленное убийство» [Комментарий... 2006. Ст. 106]. Наряду с изъятием специальной статьи за детоубийство советское уголовное законодательство предусматривало наказания для лиц, осуществляющих аборт вне пределов медицинских учреждений (до года, при отягчающих обстоятельствах — до 5 лет), что было свидетельством довольно жесткой политики в отношении правового регулирования вопросов деторождения, а кроме того, обосновывало монополию государства на право всесторонне контролировать репродуктивные функции женского тела.

Принятие в 1996 году новейшего уголовного кодекса в известном смысле вернуло ситуацию с юридической трактовкой инфантицида к досоветскому состоянию в сфере уголовного законодательства. Детоубийство вновь стало рассматриваться как «самостоятельное и привилегированное преступное деяние». Последнее означает, что во главу угла выносятся свойства самого субъекта преступления, то есть матери-детоубийцы.

Л. Энгельштейн, описывая ситуацию в досоветской России, говорит о том, что российское законодательство, как и соответствующее ему европейское, «создало особый тип женщины-преступницы, характеризующейся особым психическим состоянием: психическое и физическое расстройство, вызванное родами в социально неблагоприятных условиях» [Энгельштейн, 1996. С. 116]. Все сказанное выше имеет прямое отношение и к новейшей правовой концепции матери-детоубийцы, воссозданной отечественными юристами нашего времени.

Российское общество XIX века перед проблемой инфантицида

Российское уголовное законодательство XVII и XVIII веков было сурово по отношению к матерям-детоубийцам, однако мы не знаем того, насколько часто и последовательно применялись наказания по отношению к женщинам, убивавшим своих внебрачных детей. Но уже применительно ко второй половине XIX века свидетельств на этот счет оказывается предостаточно.

Прежде всего известно, что российское правосудие второй половины XIX века было склонно довольно часто оправдывать матерей-детоубийц и при этом всегда специально квалифицировать их деяния. Особенно склонны были к вынесению оправдательных приговоров суды присяжных, созданные в результате реформы 1864 года [Гернет, 1910. С. 309–310; Энгельштейн, 1996. С. 116]. Условием для такого рода решений было юридическим образом оформленное представление о том, что женщины совершали свое преступление в состоянии «стыда и страха». Приходить к такому выводу судьям помогали, в частности, мнения экспертов, которые стали с необходимостью запрашиваться судами на основании закона 1835 года об обязательности судебно-медицинской экспертизы [Правила... 1835].

Чем была вызвана эта проводившаяся судами политика мягкого отношения к матерям-детоубийцам? Можно предположить, что судьи в XIX веке были не готовы приводить в действие те правовые нормы, которые в век распространявшегося либерализма казались им все более жестокими. Однако такой взгляд не вполне соответствует тем подходам, которые выработались в современной социальной теории относительно причин смягчения наказаний в современных западных обществах [Фуко, 1999]. В самом деле, применение суровых наказаний к тем, кто не был закоренелым преступником и чьи деяния не наносили прямого и непосредственного вреда государству и обществу, едва ли мыслилось представителями власти как эффективное средство противодействия таким преступлениям. Гораздо более эффективным было бы не наказание за уже совершившиеся преступления, а – в духе Чезаре Беккариа – предотвращение их и установление контроля над теми, кто потенциально расположен к их совершению.

Можно также предположить, что обилие оправдательных приговоров матерям-детоубийцам, вынесенных судами, было следствием особой дальновидности судей, которые, избегая отправлять женщин-детоубийц на каторгу или в тюрьму, хотели сберечь таких женщин для последующего исполнения ими своих детородных обязанностей. Эта позиция, безусловно, удовлетворяла набирающей силу политике сохранения и приумножения численности населения, проводником которой

было не столько правительство, сколько образованная элита, позиционирующая себя как выразительница национальных интересов. Нечего говорить о том, что судьи и вообще юристы были частью этой образованной элиты.

Вместе с тем политика мягкого отношения к матерям-детоубийцам в практическом плане должна была опираться не на абстрактные высшие интересы, а на более конкретные основания. Такими основаниями и стали раз за разом используемые юридические аргументы о специфике состава данного преступления. Судьи были склонны к тому, чтобы всякий раз подчеркивать, что убийство новорожденного ребенка совершалось женщиной тогда, когда она находилась в состоянии сильного психического потрясения, граничащего с безумием. При этом в отношении молодых, незамужних и малообразованных женщин из деревни такой вердикт выносился почти автоматически.

После 1835 года российские суды, рассматривавшие случаи об убийствах, обязаны были прибегать к использованию судебно-медицинской экспертизы. В России, как и в Европе, обязательность привлечения медицинских экспертов означала один из признаков роста цивилизованности общества [Ackerknecht, 1977; Clark and Crawford, 1994; Ficcaro, 1976; Gorsky, 1960; Smith, 1954; Smith, 1981. P. 143–160; Taylor, 1974].

Здесь важно заметить, что случаи детоубийства представляли собой тот тип преступлений, при которых было труднее всего разоблачить убийцу. Обычным поводом для возбуждения дела было обнаружение в некоей местности трупа ребенка, а далее начинался поиск подходящей кандидатуры на роль его возможной матери. Впрочем, когда дело попадало в руки правосудия, личность матери мертвого ребенка уже была заранее установлена, и основную роль в этом играли родственники или соседи убийцы. Если представить себе, что суды и вообще образованная общественность стала шире проявлять интерес к случаям детоубийства, то это легко объяснит тот факт, почему во второй половине XIX века в России возросло число детоубийств.

Привлекая медиков для осуществления судебно-медицинской экспертизы, судьи должны были решить с их помощью две группы вопросов: во-первых, была ли смерть младенца «следствием случайности, не зависевшей от роженицы, например, происшедшей вследствие тяжелых родов, или же здесь совершено было детоубийство», во-вторых, было ли оно совершено «при сознании роженицы или бессознательно, в припадке безумия» [Шергандт, 1865. С. 33].

Основным видом экспертизы был патолого-анатомический анализ трупов с целью выявления насильственных признаков смерти. Однако специалисты в этой области не всегда могли вынести верное решение о причинах смерти, и некоторые из них были склонны считать, что «знаки насилия на теле мертво-найденных новорожденных младенцев только

в очень редких случаях могут служить положительным доказательством детоубийства». Оставляя вынесение приговора на разумение судей, доктор Шергандт призывал своих коллег по профессии не выступать без особой необходимости на стороне обвинения: «лучше простить десять виновных, чем наказать одного невинного» [Шергандт, 1865. С. 45–46].

Не менее сложным был и другой этап экспертизы, предполагавший выяснение психического состояния женщины-детоубийцы. В условиях отсутствия психиатрии как медицинской специальности медицинские освидетельствования преступников проводили специальные комиссии, главным образом с участием членов Медицинского совета при Министерстве внутренних дел. Однако уже после 1848 года стал наблюдаться рост интереса к проблемам психических отклонений в их применении к уголовному законодательству [Пушкарев, 1848; Слонимский, 1879]. Начал формироваться специализированный судебно-психиатрический дискурс, который был призван дать уголовному правосудию более точную картину психического состояния преступников, совершавших убийства. В рамках этого процесса был выработан и типичный портрет женщины-детоубийцы.

Отечественные специалисты, как правило, находились под влиянием французской и германской психиатрических традиций, которые были склонны трактовать инфантицид как преступление, совершенное в состоянии психического расстройства, в частности, временного помрачения сознания. При этом зарождающаяся психиатрия середины XIX века была склонна к тому, чтобы и сам процесс родов рассматривать как такое психофизическое состояние, которое сопровождается сильным эмоциональным шоком и временной потерей памяти и сознания. Принимая эти представления, отечественные медики распространяли их на случаи, с которыми они имели дело.

Однако примечательнее всего то, что эти взгляды, которые бы могли вызвать здоровый скепсис у судей, имели поддержку и среди многих российских юристов. Были, например, случаи, когда судьям приходилось отказываться от мнений экспертов и самим выносить решение о невинности женщин, умертвивших своих детей. Так произошло с финской девушкой Еленой Карванен, чье дело разбирал 5 декабря 1866 года Петербургский окружной суд. Когда приглашенный эксперт доктор Борейшо счел ее способной совершить убийство своего внебрачного ребенка, судьи постановили о ее невинности на основании «обстоятельств дела», в частности того, что Карванен жила в услужении в чужом доме и, следовательно, стыдясь позора, избавилась от нежелательного ребенка. Этот случай также стал поводом заговорить о слабости судебно-медицинской экспертизы в России и необходимости со стороны государства и общества создать более подходящие условия для нормальной работы экспертов [Потехин, 1867. С. 87].

Стремление поднять судебно-медицинскую экспертизу на более высокий уровень было характерно для многих работ этого времени. С этой целью специалисты более активно стали заниматься накапливавшимися в Медицинском совете и окружных судах материалами по вопросу об инфантициде с целью извлечь из них полезные уроки на будущее [Ширвиндт, 1865; Грегори, 1908; Линденберг, 1910].

Российские специалисты были склонны считать, что большинство детоубийств имеют своей причиной конфликт между врожденным материнским чувством и теми социальными обстоятельствами, в которые попадает женщина, лишенная сочувствия и поддержки со стороны окружающих. Именно поэтому господствующее среди них мнение состояло в том, что детоубийство — это проступок, который совершают в основном совсем юные неграмотные незамужние женщины, которыми движет страх быть опозоренными перед родственниками и соседями.

Некоторые авторы видели в факте совершаемого детоубийства даже свидетельство высокой нравственности таких женщин: те в порыве чувств убивали своих детей именно потому, что не могли вынести предстоящего позора и упреков со стороны окружающих [М.Г., 1868. С. 26–27]. Другие были склонны подчеркивать значение силы психического срыва и на основании этого предлагали не относить детоубийство к числу уголовно наказуемых преступлений [Шашков, 1868. С. 28].

Потребность более широко изучить проблему привела в поле зрения специалистов и другие случаи, которые можно было бы назвать нехарактерными, поскольку в них жертвами инфантицида становились дети, рожденные в браке, а убийцами — замужние жены. Таков был случай с крестьянкой Варварой Ерховой из Тамбовской губернии, которая в декабре 1863 года бросила в печь своего двухнедельного сына. Анализируя этот случай, анонимный автор, писавший для «Архива судебной медицины», привел серию аргументов в пользу того, что убийство мальчика было совершено в состоянии глубокого умственного расстройства. В качестве доказательств безумия Ерховой выдвигались сообщения соседней о странности ее поведения, которое состояло в том, что у крестьянки наблюдали «какую-то задумчивость и перемены в лице». С точки зрения как соседней детоубийцы, так и изучавших этот случай специалистов, у Ерховой не было никаких мотивов для того, чтобы сжечь своего ребенка, следовательно, она совершила убийство в состоянии «временного и преходящего сумасшествия» [Из дел Медицинского Совета, 1866. С. 1–4]. Примечательно однако, что автор статьи не удосужился представить подробного описания личности женщины, а также охарактеризовать более полно атмосферу в ее семье, в том числе отношения с мужем и свекровью, которые, в некоторой степени, могли стать мотивом совершенного ей убийства.

Трактуя инфантицид как преступление, совершенное женщиной в порыве «стыда и страха» или «временного и преходящего сумасшест-

вия», авторы XIX века не думали о том, что в его основе могли лежать какие-либо рациональные интересы. Вместо этого они руководствовались соображениями о слабости женской природы, податливой перед напором житейских трудностей и влиянием грубого социального окружения. Подобно своим западным коллегам, российские специалисты были едины в том, чтобы рассматривать женщин, совершивших убийство ребенка, как жертв чудовищных обстоятельств и существ, недостаточно развитых, чтобы, пользуясь силой рассудка, справляться с серьезными испытаниями.

В целом, политика мягкого отношения судей к матерям-детоубийцам повлекла за собой, по меньшей мере, три социально значимых следствия. Во-первых, судебные разбирательства случаев инфантицида способствовали формированию судебно-психиатрической экспертизы в России, которая стала развиваться благодаря попыткам более точно выявить субъективные причины таких преступлений, как жестокие убийства близких родственников и «сексуальные перверсии». Кроме того, судьи получили возможность строить свои юридические суждения о причинах инфантицида не только на основе весьма ненадежных рассуждений о моральных обстоятельствах, вызвавших детоубийство, но и на базе более соответствующих духу времени научных взглядов, выражаемых первыми психиатрами. Наконец, все шире распространявшиеся представления о том, что не только рождение внебрачных младенцев, но и рождение вполне законных детей с психофизиологической точки зрения представляет собой довольно опасное испытание для здоровья как матери, так и ребенка, постепенно вело к необходимости ставить вопросы о том, что можно сделать для уменьшения этой опасности.

Перемена взгляда на инфантицид в начале XX века

После принятия в 1903 году нового «Уголовного уложения» произошла важная перемена в представлениях образованной части российской общественности относительно феномена инфантицида. Как уже отмечалось ранее, этот кодекс предполагал вынесение более мягких наказаний в отношении матерей-детоубийц. Но именно это способствовало и более регулярному вынесению приговоров о признании женщин, допустивших смерть ребенка или убивших его, виновными. В самом же кодексе была изъята формулировка о том, что преступление совершалось в порыве «стыда и страха» [Боровитинов, 1905. С. 22–23].

В этот период времени специалисты стали пытаться выработать более профессиональное представление о лицах, совершавших детоубийства, и о причинах, которые к нему приводили. Вслед за медико-психиатрическими были разработаны социологические концепции, позволяющие характеризовать детоубийц как особый социальный тип.

В частности, Гернет показывал, что в подавляющем большинстве случаев инфантицид совершают женщины, живущие в сельской местности. Он же в очередной раз обратил внимание на то, что аборт — другой способ избавления от нежелательного потомства — больше распространен в городах [Гернет, 1910. С. 311; Гернет, 1911. С. 143].

Был отчасти развеян один из мифов прежних десятилетий о том, что детоубийство обычно совершалось совсем молодыми и неграмотными девушками-крестьянками [М.Г., 1868; Шашков, 1868]. Тщательный статистический анализ случаев инфантицида, проведенный впервые на материалах Лифляндской губернии (за 1889—1899 годы), показал, что чаще всего виновницами детоубийства становились «незамужние девицы», первородящие, чернорабочие, в возрасте от 21 до 25 лет, лютеранского вероисповедания. При этом процент грамотных среди них был больше, чем процент неграмотных женщин [Глебовский, 1904. № 10]. При этом писавшие об инфантициде авторы сходились в том, что среди матерей-детоубийц неизменно было меньше женщин «либеральных профессий», а также женщин, принадлежащих к еврейским и мусульманским семьям, которые славились более жесткими моральными устоями.

Если в 1860-е и 1870-е годы позиция специалистов обычно состояла в том, чтобы рассматривать матерей-детоубийц в своего рода апологетической перспективе и списывать их преступление на сильный психический стресс, то в начале XX века авторы уже не прибегали к этому аргументу, но все чаще были склонны говорить о том, что женщины, погубившие своих детей, действовали сознательно. Так, Артур Грегори, подготовивший диссертацию на степень доктора медицины, писал, что женщины, совершившие убийство младенца, склонны всячески выгораживать себя и списывать все на свое самочувствие, особенно на временное помрачение сознания [Грегори, 1908. С. 47]. Аналогичные выводы позволяла делать и статистика, которая была прекрасным инструментом, позволяющим проверить совесть целой нации. Согласно данным по Лифляндии, подавляющее большинство детоубийств совершалось не с применением насилия, а посредством оставления новорожденного ребенка без помощи [Глебовский, 1904. № 9. С. 1278]. Такие данные могли говорить и о плохом самочувствии рожениц, не имевших возможности в момент после родов позаботиться о своем ребенке, и о том, что женщины сознательно прибегали к этому методу, чтобы выгородить себя в случае последующего обвинения в убийстве.

Однако и в первые десятилетия эпохи великих реформ, и в начале XX века исследования по проблеме инфантицида показывали, что чаще всего детоубийство было результатом неблагоприятных условий, в которых происходило деторождение. Амбар, хлев, лес или поле были явно не тем местом, где роженица могла бы чувствовать себя комфортно, а ее ребенок

имел все шансы на выживание. Именно в этих местах чаще всего обнаруживали трупы мертвых младенцев [Глебовский, 1904. № 10. С. 1414].

Подобные наблюдения показывали, что одной из стратегий борьбы с детоубийствами должна была стать практика помещения всех без исключения рожениц в больницы, где в спокойной обстановке и под присмотром врачей они могли бы спокойно разрешаться от бремени. Однако такая поголовная госпитализация рожениц и вообще медиализация детородных функций женского тела в условиях царской России была все еще невозможна. Масштабы деятельности врачей в деревнях были весьма скромными, а преобладающие в деревнях фельдшеры и особенно фельдшерицы — молодые девушки с медицинским образованием, приехавшие в деревню из города, не пользовались доверием у деревенских женщин, предпочитавших в случае родов обращаться за помощью к более уважаемым ими бабкам-повитухам [Ramer, 1978. P. 218—235; Ramer, 1990. P. 123].

Тем не менее сознание того факта, что введение современной медицины в жизнь деревенского населения было бы важным условием для предупреждения многих проблем, побуждало образованную российскую общественность выступить с критикой норм и обычаев деревенской жизни, в том числе обращения к народным целителям [Михель, 2004. С. 298—308]. При этом на протяжении первых двух десятилетий XX века наблюдался рост числа медицинских работников, преимущественно фельдшеров, а в первые годы советской власти он продолжился [Ramer, 1990. P. 121—145]. Изменению народных практик в отношении ухода за собственным телом и жилищем, а также в обращении с новорожденными младенцами способствовало и интенсивное гигиеническое просвещение, которое все усиливалось в годы, предшествующие первой русской революции и сразу после нее. Важным поводом для насаждения новых гигиенических стандартов в деревне стали холерные эпидемии, причинами которых все чаще называли не только санитарную беспечность царского правительства, но и народное невежество.

В начале XX века, особенно после революции 1905 года, последние иллюзии образованной части российского общества относительно извечной нравственности народа развеялись. Гигиенисты, юристы, криминологи, исследователи народной культуры начали формировать все более скептический взгляд относительно содержания народной жизни и тех традиций, которыми она питается. При этом наиболее прозорливые специалисты понимали, что для серьезных перемен в этой части российского общества одного только просвещения недостаточно. Так, профессор права Иван Фойницкий уже в 1893 году сделал вывод о том, что «невозможно ожидать от развития культуры уменьшения женской преступности». По его мысли, лишь труд, а не домашнее заточение, способен ограничить женщину от втягивания в преступную деятельность [Фойницкий, 1893. С. 142], и этот взгляд хорошо согласовывался с мате-

риалами статистики, показывающей, что среди матерей-детоубийц преобладали женщины низкой профессиональной квалификации.

В целом, политика профилактики инфантицида в последний период существования Российской империи продолжала оставаться непоследовательной. Специалисты вполне отдавали себе отчет в том, что является социальными причинами феномена детоубийства, но не имели ни достаточных средств, ни, по-видимому, решимости, чтобы искоренить их.

Их возмущение вызывали взгляды, царившие среди народа, в том числе взгляды на рождение внебрачных детей, но они были далеки от того, чтобы реально переменить эти взгляды и требовать от обоих родителей ответственности за появление этих детей на свет. По этой причине основная ответственность за убийство рожденных вне брака детей по-прежнему падала на женщин, которых, по этой же причине, суды предпочитали либо совсем не наказывать, либо наказывать настолько мягко, насколько это было возможно.

Многие образованные люди приветствовали начавшийся процесс женской эмансипации, видя в нем условие для уменьшения количества детоубийств в деревнях. Однако их страшил рост числа аборт, которые были неизменными спутниками городской жизни и связанных с ней практик контроля рождаемости. Стихия женской сексуальности, безусловно, пугала их, как и тот тип преступления, который был более всего с ней связан. Поэтому наиболее рациональный путь большинству представителей российской образованной элиты виделся в том, чтобы свести женскую сексуальность к репродуктивности и ограничить ее свободные проявления. В наибольшей степени эти планы могли осуществиться лишь на основе стратегии медикализации женского тела, которая начала форсированно вводиться в жизнь после Октябрьской революции, с появлением Наркомздрава РСФСР и его департамента охраны материнства и младенчества.

Общая уверенность в том, что практики детоубийства процветают там, где царит бедность и невежество, заставляли их надеяться на более счастливое будущее, в котором будут созданы все условия для изживания существующих обычаев и нравов, которые их порождают. Неудивительно поэтому, что такие взгляды нашли себе место в условиях нового советского строя, который обещал покончить со всеми ужасными проявлениями прошлого — бедностью, неравенством полов, высоким уровнем детской смертности и т. д. Победа Октябрьской революции, действительно, привела к ожидаемым переменам. Но отражали ли они в полной мере надежды на ликвидацию инфантицида тех, кто боролся с этим явлением все предшествующие годы? Ответить на этот вопрос не вполне легко, поскольку само слово «детоубийство» на долгое время исчезло из уголовного законодательства, в результате чего в течение семидесяти лет инфантицид стал социально невидимым феноменом. Тем

не менее трудно поверить в то, что исчез сам референт, который обозначался этим понятием. Возвращение этого термина в общественное сознание состоялось лишь в наши дни, с появлением соответствующей статьи в уголовном кодексе.

Заключение

В августе 1982 года в Корнельском университете США состоялся многодневный международный симпозиум по проблеме инфантицида у животных и человека, в котором приняли участие этологи, экологи, психологи, антропологи, демографы и историки [Hausfater, 1984]. Одна из задач симпозиума состояла в том, чтобы организовать открытую дискуссию между сторонниками двух влиятельных гипотез, объясняющих возможные случаи инфантицида у лангуров — одного из видов обезьян, обитающих в Индии. На симпозиуме также был проведен своеобразный смотр сообщений об инфантициде в жизни разных видов животных и у человеческих сообществ.

Одним из организаторов симпозиума выступила антрополог из Гарварда Сара Блаффер Харди, которая с середины 1970-х годов стала публиковать тексты об инфантициде у лангуров и чьи идеи к этому времени прочно вошли в сознание большей части американских приматологов [Hrdy, 1974; Hrdy, 1977; Hrdy, 1977]. Известно, что некоторые сообщения о возможности убийства детенышей лангуров взрослыми самцами поступали еще до начала научной работы Харди [Rees, 2001], но она была первой, кто превратил это второстепенное научное сообщение в центральный предмет своего исследования, выработав на этой основе радикально новую концепцию эволюции. Примечательно было то, что самих случаев инфантицида среди обезьян Харди явным образом не наблюдала, но при этом она была абсолютно убеждена в том, что такие случаи в их жизни имели место. В этом смысле ее гипотеза была ни чем иным, как интерпретацией возможного природного явления.

Однако следует признать, что это была блестящая интерпретация, сделавшая Харди одним из лидеров американской науки [Haraway, 1989. P. 349–367; Haraway, 1991. P. 81–108]. Согласно ее представлениям, инфантицид у лангуров является частью поведенческих стратегий взрослых самцов, которые благодаря этому намериваются добиться собственного репродуктивного успеха. Изгоняя из уже существующей семьи старого самца, новый лангур уничтожает его детенышей. В результате этого самки перестают кормить и вскоре становятся готовы к новому зачатию, на этот раз от пришельца.

Предложенная Харди гипотеза давала новую жизнь дарвиновской концепции полового отбора и удачным образом решала некоторые трудные вопросы эволюционной теории, в частности вопросы о причинах

уникальных репродуктивных свойств человеческого рода, благодаря которым женщины являются единственными среди всех самок приматов, способных к круглогодичному зачатию потомства. По мысли Харди, эта особенность женского организма стала результатом эволюционного ответа женщин на инфантицид, практикуемый самцами-приматами.

Важно отметить теперь, что «эволюционная» гипотеза Харди с самого начала имела целый ряд критиков из числа ее коллег, но при этом мало кто отказывался признавать саму идею о существовании инфантицида у лангуров. Еще одна из участниц симпозиума в Корнеле, Джейн Боггес, развивала «социально патологическую» гипотезу, утверждавшую, что инфантицид у лангуров не является «нормой», но вызван вторжением человека в естественную среду обитания приматов, вследствие чего возрастает плотность популяций лангуров, а их самцы начинают вести себя более агрессивно, чем это до сих пор было свойственно представителям этого вида [Bogges, 1979].

Споры Харди с ее оппонентами стали важной вехой в истории приматологических исследований на Западе. Благодаря этим спорам в летопись науки о природе была вписана еще одна важная страница [Hausfater and Hrdy, 1984], повествующая о том, что до сих пор считалось свойственно только людям — способность уничтожать собственное потомство. Впрочем, как показала Донна Харауэй, эти споры не были только формой борьбы за научную истину. Они оказались откликом ученых 1970–1980-х годов на политические дискуссии о семейном насилии и репродуктивных свободах, инициированные феминистками [Haraway, 1991. P. 85].

Тезис о естественных основаниях инфантицида в жизни человеческих сообществ, унаследовавших эту форму поведения от животных — от рыб до высших млекопитающих, позволил теперь иначе взглянуть на человеческую историю, в том числе историю самых последних столетий. Если признать за факт широко распространенное ныне среди экологов и исследователей поведения животных представление о существовании различных форм детоубийства в мире живой природы, то борьба образованной общественности XIX и XX веков с инфантицидом и проявлениями родительской жестокости выступает как стремление покончить с наиболее традиционными проявлениями животного поведения у людей. Покончить с уходящими в природу практиками родительского контроля над численностью детей и адресовать их некой более значительной инстанции, в роли которой последние несколько столетий выступало государство.

Список литературы

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. ун-та, 1999.

Боровитинов М. М. Детоубийство в уголовном праве. СПб.: Типолиитография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1905.

Глебовский С. Детоубийство в Лифляндской губернии // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1904. № 9. С. 1269–1283; № 10. С. 1397–1438.

Гернет М. Н. Детоубийство: Социологическое и сравнительно-историческое исследование. М.: Типография Императорского Московского университета, 1911.

Гернет М. Н. Детоубийство // Энциклопедический словарь Товарищества Братьев А. и Н. Гранат и К^о. 7-е изд. М.: Б. и., 1910. Т. 19. С. 303–313.

Грегори А. В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (по данным Варшавского окружного суда за 20 лет, 1885–1904): Диссертация на степень доктора медицины. Варшава: Б. и., 1908.

Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Из дел Медицинского Совета. Об умственных способностях крестьянки Варвары Ерховой, обвиняемой в сожжении в печи своего ребенка // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1866. № 2. Р. 2. С. 1–4.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. А. Чекалина. М.: Юрайт-Издат, 2006.

Кудашев А. Мамочки! // Программа телеканала НТВ «Программа максимум». Время выхода в эфир: 20.30, 29 октября 2005 года.

Линденберг В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании в Витебской губернии (По данным Витебского окружного суда за десять лет, 1897–1906). Юрьев: Б. и., 1910.

М. Г. О детоубийстве // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1868. № 1. Р. 2. С. 21–55.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1.

Мишель Д. В. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 91–106.

Мишель Д. В. Народная культура в фокусе санитарно-медицинского восприятия в контексте борьбы с эпидемиями на Волге на рубеже XIX и XX веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, УРСС, 2004. Вып. 12. С. 298–308.

Плутарх. Ликург // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1.

Потехин К. Дело Елены Карванен, рассматривавшееся в заседании С.-Петербургского окружного суда, с участием присяжных заседателей, 5 декабря 1866 года // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1867. № 1. Р. 2. С. 74–88.

Правила относительно свидетельствования и испытания тех, кои в припадках сумасшествия учинили смертоубийство или посягнули на жизнь другого или собственную. Составленные Медицинским Советом Министерства Внутренних Дел для руководства Врачам и одобренные Государственным Советом. СПб.: Типография Медицинского Департамента Министерства Внутренних Дел, 1835.

Пушкарёв А. Н. О душевных болезнях в судебно-медицинском отношении. СПб.: Б. и., 1848.

- Свод Законов уголовных. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.* Спб.: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866.
- Слонимский Л. З.* Умственное расстройство, его значение в праве гражданском и уголовном. Спб.: Б. и., 1879.
- Сорокина Т. С.* История медицины. М.: Академия, 2004.
- Стеллер Г. В.* Историко-этнографическое описание народов Камчатки в трудах Г. В. Стеллера. Краеведческие записки. Вып. 11 (Специальный выпуск) / Под ред. Ю. Н. Беспятых. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999.
- Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 23 марта 1903 года.* Спб.: Б. и., 1903.
- Уголовный кодекс Российской Федерации. С изменениями и дополнениями на 1 октября 2006 года: Текст и справочные материалы.* М.: Эксмо, 2006.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года.* Издано Н.С. Таганцовым. Изд. 17-е. Спб.: Типография М. Меркушева, 1913.
- Фойницкий И.* Женщина-преступница // Северный вестник. 1893. № 2. С. 123–144.
- Фуко М.* Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Шашков С. С.* Детоубийство // Дело. 1868. № 5. С. 1–40.
- Шергандт.* О значении для судебного врача различных знаков насилия на теле мертво-найденных новорожденных младенцев // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1865. № 3. Р. 2. С. 33–46.
- Ширвиндт.* Было ли совершено детоубийство и кем именно? // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1865. № 3. Р. 2. С. 97–100.
- Энгельштейн Л.* Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: Terra, 1996.
- Ackerknecht E.* Early History of Legal Medicine // Chester R. Burnes (Ed.). Legacies in Law and Medicine. N. Y.: Science History Publications, 1977. P. 249–271.
- Boggess J.* Troop Male Membership Charges and Infant Killings in Langurs (*Presbytis entellus*) // Folia Primatologica. 1979. Vol. 32. P. 64–107.
- Clark M., Crawford C.* Legal Medicine in History. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Ficcara B. J.* History of Legal Medicine // Legal Medicine Annual 1976. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1977. P. 3–27.
- Giladi A.* Some Observations on Infanticide in Medieval Muslim Society // International Journal of Middle East Studies. 1990. Vol. 22 (2). P. 185–200.
- Gorsky J. A.* The History of Forensic Medicine // Charring Cross Hospital Gazette. 1960. Vol. 58. P. 31–36.
- Haraway D. J.* Primate Visions: Gender, Race, and Nature in the World of Modern Science. N. Y.: Routledge, 1989.
- Haraway D. J.* Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. N. Y.: Routledge, 1991.
- Hausfater G.* Infanticide: Comparative and Evolutionary Perspectives // Current Anthropology. 1984. Vol. 25 (4). P. 500–502.

- Hrdy S. B.* Infanticide as a Primate Reproductive Strategies // *American Scientist*. 1977. Vol. 65 (1). P. 40–49.
- Hrdy S. B.* Male-Male Competition and Infanticide among the langurs (*Presbytis entellus*) of Abu, Rajasthan // *Folia Primatologica*. 1974. Vol. 22. P. 19–58.
- Hrdy S. B.* The Langurs of Abu: Male and Female Strategies of Reproduction. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1977.
- Infanticide: Comparative and Evolutionary* // G. Hausfater, S. B. Hrdy (eds). Perspectives. N. Y.: Aldine, 1984.
- Picone M.* Infanticide, the Spirits of Aborted Fetuses, and the Making of Motherhood in Japan // Nancy Scheper-Hughes and Carolyn Sargent (eds). *Small Wars: The Cultural Politics of Childhood*. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 37–57.
- Pollock L.* *Forgotten Children: Parent-Child Relations from 1500 to 1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Ramer S. C.* Childbirth and Culture: Midwifery in the Nineteenth Century Russian Countryside // David L. Ransel (Ed.). *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press, 1978. P. 218–235.
- Ramer S. C.* Feldshers and Rural Health Care in Early Soviet Period // Susan G. Solomon and John F. Hutchinson (eds). *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. P. 121–145.
- Ransel D. L.* *Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1988.
- Rees A.* Practising Infanticide, Observing Narrative: Controversial Texts in a Field // *Social Studies of Science*. 2001. Vol. 31 (4). P. 507–531.
- Smith R.* *Trial by Medicine: Insanity and Responsibility in Victorian Trials*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1981.
- Smith S.* The Development of Forensic Medicine and Law-Science Relations // *Journal of Public Law*. 1954. Vol. 3. P. 304–319.
- Taylor H. L.* The Evolution of Legal Medicine // *Medico-Legal Bulletin*. 1974. Vol. 252. P. 1–7.

Дмитрий Викторович Михель

д-р филос. наук, профессор Саратовского государственного университета
и Саратовского государственного технического университета

электронная почта: miheldv@info.sgu.ru
